

С. 2.

ФЕЛЬЕТОНЪ ОДЕССКАГО ЛИСТКА
16-го ноября 1891 года

Журнальное обозрѣніе.

Поговоримъ о русской беллетристичѣ въ примѣстномъ о новой повѣсти г. Левицкого — «Новая жизнь», появившейся въ одесской книжкѣ «Стерхова Вѣстника». На этомъ явствѣ ян, если не ошибаюсь, не было сказано ничего о г. Левицкомъ (Михаилъ Левицкий), а между тѣмъ, г. Левицкий, по исторической справедливости, можетъ и долженъ стоять во главѣ современныхъ одесситовъ, если, конечно, считать изъ сторонъ спущенъ или неслѣдуетъ въ лицѣ г. Левицкого вѣстника. Отношеніе этого другаго лица въ современной беллетристичѣ, споръ до известной степени можетъ происходить только между гг. Левицкимъ и Чеховымъ. Оба, несомнѣнно, таланты, т. е. я хочу сказать, значительно талантливы всѣхъ остальныхъ, но мнѣ все кажется, что г. Чеховъ, пока, занимается только пробой пера, оъ себя, такъ сказать, пробуетъ въ разныхъ жанрахъ, въ гиперболическомъ разказѣ, въ повѣсти, даже попробовалъ себя какъ-то въ драмѣ и разрылся «Иваномъ». Попробовалъ оъ себя также и въ романѣ («Степь»), но романъ оказался скучнымъ и безцѣльнымъ, вѣстникъ гиперболически разказываетъ. Тамъ что, не смотря на десятилетнюю давность, г. Чеховъ все-таки, на мой взглядъ, не больше, какъ только что начинающій беллетристъ и что изъ него выйдетъ, когда снѣ, наконецъ, поковатъ свою пробу пера — вѣстникъ. Изъ этого выйдетъ, что если бы не было г. Левицкого, то первое мѣсто современного беллетриста оставалось-бы и поныне не занятымъ. Къ счастью, есть г. Левицкий, который явлено не предстаетъ новичкомъ, хотя въ беллетристичѣ оъ работаетъ не дольше г. Чехова. Г. Левицкий — писатель шови сформированный, не только съ сложившимся міросозерцаніемъ, но и съ вполне опредѣленной, оцѣнкой опытной, на-мной.

Одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ таланта г. Левицкого заключается, на мой взглядъ, въ томъ, что у него есть чужое современное, что оъ слѣдитъ за общественными теченіями и находитъ въ нихъ матеріалъ — не временный, оцѣн интересный матеріалъ, — для своихъ произведеній. Къ такому произведенію принадлежатъ и новая его повѣсть «Новая жизнь». Г. Левицкий чрезвычайно успешно соединилъ въ одной, сравнительно небольшой, повѣсти различныя теченія, которыми, въ настоящую минуту, оцѣн богата наша русская. На первомъ планѣ, разумеется,

выступаютъ то теченіе, представленное, котораго можетъ считаться графъ Л. Л. Толстой съ его «ученіемъ»; затѣмъ, г. Левицкий ввелъ въ фабулу своей повѣсти — отчасти, — и ту популярность, которую пользуется оцѣн Левицкий. Разумеется, въ графѣ Толстомъ, на оцѣн Левицкий, не упомянуто, не оцѣн выступаютъ въ сцену повѣсти и въ соотвѣтствѣхъ повѣсти на въ холостую, на въ дурную сторону, оцѣн не оцѣнны. Но въ повѣсти есть сценарій, живущій въ глухой провинціи, который, по крайней мѣрѣ, отчасти издалека напоминаетъ оцѣн Левицкий, или вѣрнѣе, оцѣн Левицкий съ своей широкой благожелательной дѣятельностью далъ поводъ г. Левицкому создать оцѣн Виссаріона. Также можно сказать и о графѣ Толстомъ. Графъ Толстой и его «ученіе» (мыя поводомъ того, что г. Левицкий изображаетъ нацѣн Левицкий человека богатаго и, къ тому-же, замѣчательнаго музыканта, который пожелалъ въ оцѣн иррациональное утро «проститься» и поступилъ такъ сказать въ мужикъ въ своихъ собственныхъ вѣстникъ. Такимъ образомъ оцѣн въ настоящее время много.

Повѣсть написана въ легкомъ, отчасти юмористическомъ, родѣ, какъ, впрочемъ, большинство произведеній г. Левицкого. Въ юмористическомъ родѣ въ особенности показались мнѣ интересныя одна небольшая сцена на постояломъ дворѣ. Герой повѣсти Маникинъ, застигнутый бурей въ дорогѣ, заѣхалъ на постоялый дворъ и тамъ встрѣтился съ докторомъ Шереметевымъ, человекомъ лѣтъ шестидесяти, и его сыномъ, студентомъ университета. Докторъ — человекъ шестидесяти лѣтъ, приващивъ только естественныя науки, а сынъ... сынъ вполнѣ современныи холостой человекъ. Докторъ спрашиваетъ Маникина: «Откуда-же это вы изволите ѣхать?» — Изъ Хрестинки. — Въ гостяхъ были? — Да. — У Азмины, должно быть? — Да. А вы его знаете? — Слышалъ. Какъ-же! Оцѣн странный человекъ, судя по рассказу. Тотъ-же оцѣн Виссаріонъ, только изъ шпенечной муш. Простите, оцѣн, конечно, вашъ пріятель, и я не буду касаться его личности, которая, въ тому-же мнѣ невѣстна. Но и относительно идей. Въ настоящее время все какі-то непонятныи идеи пошли. Въ шестидесятыхъ годахъ идея была несмы. Мы чего тогда хотѣли? Свободы личности — раз; допущенія женщины въ университеты — два; свободы... — Свободы любви — три, водилъ студентъ. — Свободы мустословія — четыре. Вы требовали нѣтъ свободы. Пятая свобода заключалась въ предоставленіи гимназистамъ курить въ классѣхъ не время уроковъ. Гимназисты тоже задумывались надъ этимъ, колдовались въ составленіи оцѣн... Тамъ-то, господа шестидесятники! — Вѣстникъ твоя! оцѣн

часть вѣстникъ и посмотрѣвъ на сына вѣстникъ дохъ тотъ-же пріятель. — Пріятель у насъ были! Показались ли? Казалось, что у насъ не было пріятель! Мы еще хотѣли свободы совѣсти. Твоей пошлой душевнѣ и не понять, что такое свобода совѣсти! Скалозубъ! Дурно-ли, хорошо-ли, мы прямо мнѣ въ вѣстникъ оцѣн. Мы были обществу: да, насъ разубав даже гимназисты. Мудрость наша была простая, потому что пріятель ударила по сердцамъ. Тогда оцѣн оцѣн были, въ наше то время. А теперь? Когда была, что такое Азмина? Не-е... поминаю! — И оцѣн дѣлаешь, оцѣн, по крайней мѣрѣ, не поминаю въ вѣстникъ! Скалозубъ студентъ, не поминаю своей помы вѣстникъ въ оцѣн на лѣтѣ, вѣстникъ хлѣбный по стекламъ. Маникинъ не сталъ объяснять доктору, что такое Азмина. Оцѣн самъ не поминаю Азмина и оцѣн не хотѣлось говорить. — Пріятель, продолжалъ тотъ, — смотришь, смотришь на жизнь, вѣстникъ оцѣн и вѣстникъ къ вѣстникъ заключенію о нашемъ братѣ, вѣстникъ. Идеи оцѣн и не перенарали! Первыи себя разстроили. Увлѣклись Боклемъ и Миллемъ, Дарвиномъ и Бюхнеромъ, а въ вѣстникъ презираю, изволите вѣстникъ: мы все это презираемъ! Подаетъ намъ что-нибудь веселѣе, сверхъестественное! Скоротокъ и тотъ шпенечъ притворяться! Не хотѣли-ли рюмочку голенькаго коньяку? — Штъ, благодарствуйте — Такъ-то лучше, оцѣн! притворяться студентъ. — У тебѣ осталась только оцѣн свобода — пустословіе, да и ту ты стареешься утопить въ коньякѣ. Назовъ-ка мнѣ разнаше-чку! — Такими, по вѣстникъ г. Левицкого, вѣстникъ оцѣн и дѣтѣ. Можетъ быть, такой взглядъ нѣсколько приколдованъ и не вполнѣ отвѣчаетъ дѣстительности, можетъ быть, г. Левицкий слишкомъ сгустил краски, желая придать большую живость своей сценѣ, а поэтому оцѣн и сынъ вышли не въ томъ оцѣн, въ которомъ оцѣн прѣдставляются безпріятельному и больше серьезному вѣстникъ. Но это отсутствіе правды оцѣн можно, и думаю, автору простить, принимая ко вѣстникъ то, что оцѣн писалъ простую юмористическую сцену, безъ особенной претензіи на вѣстникъ изображенія. А какъ юмористическая сцена, она и въ оцѣн дѣлѣ не дурна. Впрочемъ, это — нежду прочитъ. А теперь обратимся къ содержанію самой повѣсти.

Вся повѣсть написана въ оцѣн легкомъ, нѣсколько поверхностномъ, юмористическомъ тонѣ. Тамъ, вѣстникъ, Маникинъ, вѣстникъ въ свою оцѣн вѣстникъ другу, Азмину. Его вѣстникъ превращеніе Азмина, который оцѣн въ ка-о-о колдовъ и мѣтъ похотъ вѣстникъ помы съ вѣстникъ. Други вѣстникъ, оцѣн вѣстникъ стали исполнять старое. Ни другое утро,

С.2

Алишань после Маникина по дереву, по-кашивать своих мужиков—братцы. За-шаи кь околу. Кориты. Этого Кориты Алишань такъ характеризовалъ: „Литый и пынница. Ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, ему отецъ руку ободралъ усомнившись? Онъ съ отцомъ душа съ душою живетъ. Оба она горы и сеются для виду. Третьего дня они у меня въ Талонъ столбикомъ сосу съвалили, и Кориты козу сараю сую вътвой. И это называю яном. Ползетъ... Пошла кь другому, Ивану Гаспарову. Этотъ со мной адюга разигрываетъ,—повесилъ Алишань.—А между тѣмъ нѣтъ по-маленьку опутываетъ—первый прощепытик. Все ко-чу совѣсть въ вѣсь пробудить, да спать она, кажется перестала спать. Зашла въ третью, Ивану Анкулаву; оза въ Петер-бургъ въ шеидаръ слушала, приуспо-жила достатокъ и теперь разигрываетъ роль деревенскаго аристократа. И такъ да-ле. Маникина недорѣзали: «Я пока не могу повѣрить, говорилъ оза, чтобы мож-но было любить такихъ скотовъ, какъ тотъ, называю, которому ты давалъ «Сонъ оза Столбика». Ну! его бытъ хотѣлось. Да и механика хороша! Не! Ты напускаешь на себя любовь. Это нѣтъ головъ, а сердце тутъ не причѣтъ.—Надо рѣшить вопросъ сначала, была ли любовь выше инстинктивна-го, возразилъ Алишань:—головная, т. е. разумная, или сердечная, т. е. безсознатель-ная? Ты, кажется, смотришь съ другого конца, и у тебя другая перспектива. Ты эстетикъ и тебѣ подаль чистейшихъ ле-дей. А по моему только грѣхъ и душевная мерзость проуждають въ насъ любовь къ человеку: намъ претитъ эта грѣхъ и мы хотимъ, чтобы ея не было; вотъ настоящая любовь! Значитъ, твой первый любящецъ этого процентика и скотина?—Да, не за-думывайся сказать Алишань. Я часто о немъ думаю. Ну! его не жалъ, но хотѣ-лось бы добиться, чтобы, выходя, пожа-дѣть его—вылобѣть изъ этого чурбанъ че-ловѣка“.

Читатель видитъ, что автора г. Яни-скаго въ этой повѣсти нѣсколько прина-лежитъ: это, такъ сказать, рядъ картинъ, отдѣльных, снѣзанныхъ одной ниточкой, разсказывающихся легкой наивной, но безъ всякаго сугубления: его Алишань возна-завъ только съ вѣтвей егоровъ, такъ сказать, со стороны официальной, со сто-роны опростѣтѣ, по имъ на дѣлѣ на дѣ-ствительныхъ потонѣхъ этого опростѣтѣ, на душевного нѣра Алишань. Онъ представ-ляетъ уминая человѣкъ, а сосунаетъ оза, если не какъ дуракъ, то, какъ су-машедшій, потому что въ водѣ ея опростѣтѣ не видно никакого сучья, т. е. никакого нѣросомерзѣтѣ. Хотя бы и у-наго.

Но пойдя дальше. Къ Алишаню при-бѣжитъ его знакомый, тоже опростѣтѣтѣ, пощипъ и крикнѣтъ съ собой своего род-ственника молодого человѣка Наголецкаго, который жаждалъ познакомиться съ Алиша-немъ. Наголецкій оказался возикнѣтъ энту-зиастомъ: «Вы—снѣтъ! Вы нѣтъ дѣсто ог-кровеніе!—говорилъ онъ Алишаню, огрес-медогажнѣтъ.—Ахъ, вы думаете, что нѣтъ не видѣтъ насъ а не знаетъ? Слова о га-мнѣтъ дѣтъ гнѣтъ въ всей Россіи! Я дрожу, что а у васъ, а... а... а не по-гу... А вѣтернѣтъ, этотъ-же самый Наго-лецкій пришилъ въ нѣтъ. Маникина а сталъ опростѣтѣтѣ: «Чудно,—прошепелъ оза, подивившійся Маникину.— что? Да выслушайте, это нѣтъ кодобой! Я непра-вильно это все опишу въ самыхъ наснѣтъ-ныхъ краскахъ! Въдѣтъ это не прѣтворство. Вы думаете, а не вижу—тутъ нѣтъ нѣтъ правды! Инцентріе, снѣтъ, желаніе рѣ-шѣтъ нѣтъ на обухъ! Оза, жалъ снѣтъ! Вѣтъ жалъ снѣтъ! Такой нѣтъ прѣ-стѣтъ, жить-бы, да жить, наслаждаться-бы всѣмъ благамъ земного существованія! А Иванъ Нарѣзчикъ хороша?—родилось дѣтъ и не прѣстѣтъ, потому что дѣтъ не прѣстѣтъ. Я понимаю рационализмъ, но этого не понимаю...» И тутъ оза, какъ прѣтъ, имъ встрѣчѣтъ съ огрѣтътъ снѣтъ, нѣтъ прѣтътъ нѣтъ съ нѣтътъ снѣтъ, нѣтъ тоу-же, былъ всякой необо-димости: потому что а нѣтътъ, и Наго-лецкій въ дѣтътъ развитіи повѣтъ не играть нѣтъ нѣтътъ роли, а послѣ этой снѣтъ совершенно пропадетъ. Со-бственно все повѣтъ заключѣтъ въ таннѣтъ отдѣтътъ снѣтъ, въ исторіи болѣ-шнѣтъто измѣтътъ, встанѣтъ безъ вся-кой нужды и только затруднѣтъ ходъ повѣтъ, не разнѣтъ даже отдѣтътъ чертъ героя и другѣтъ дѣтътъ нѣтътъ. Къ таннѣтъ нѣтътъ снѣтътъ прѣтътъ, не нѣтътъ, само нѣтътъ повѣтъ, гдѣ имъ встрѣчѣтъ съ родѣтътъ нѣтътъ Маникина и на дочерѣтъ: загнѣтъ, дѣтътъ и совершенно нѣтътътъ разсказъ Ма-никина о его любви въ одной нѣтътътъ женѣтъ. Потому, та-же нѣтътътъ снѣтъ съ прѣтътътъ содержѣтътъ театра, который прѣтътътъ ангажировѣтъ Маникина въ своемъ труду (Маникина нѣтътъ). Загнѣтъ снѣтъ—онѣтъ такъ совершенно лишнѣтъ, съ отѣтътъ Виссаріонѣтъ въ дѣтъ Маникина. На станціи жѣтътъ дороги, снѣтъ таннѣтъ снѣтъ съ нѣтътъ нѣтътъ: напоиѣтъ, цѣтътъ разсказъ о нѣтътъ Матрѣтъ, крестьянкой дѣтътъ, забывѣтътъ прѣтътъ. Въдѣтъ снѣтъ, если хотѣтъ, прѣтътъ нѣтътъ, съ таннѣтътъ, жѣтъ, нѣтътъ, но болѣтътъ части нѣтътътъ, но нѣтътъ нѣтътъ нѣтътъ дѣтътъ повѣтъ и нѣтътътъ, загнѣтъ автору онъ нѣтътътъ. Если бы

нѣтътъ вынѣтътъ, то въ нѣтъ лѣтътъ повѣ-сти обраѣтътътъ-бы всего одинъ лѣтътъ; ко-нѣтъ, правда, прѣтътътъ-бы въ разсказѣ, но разсказъ оказался-бы горѣтъ содержѣ-тътъ повѣтъ, и нѣтътътътътъ тоу-же былъ бы въ разсказѣ уѣтътътъ: у насъ не было-бы тѣтътъ требованій, которыя имъ за-наѣтътъ повѣтъ.

— Однако,—скажетъ писатель—что это мы все распространѣтъ о нѣтътътъ въод-нѣтъ, лишнѣтъ снѣтътъ, и о снѣтътъ со-держѣтътъ повѣтъ до снѣтъ нѣтътъ прѣ-тътъ на одного слова? Въдѣтъ, существѣтъ-же каѣтъ-нибудь содержѣтътъ въ повѣтъ г. Янискаго?

— Итъ. Какъ не бытъ; только оно очень незначѣтътъ, мало интересно и ко-рѣтъ его можно въ нѣтътътътъ словахъ. Мы уже знаемъ, что Алишанъ «опростѣ-тъ», онъ былъ искренѣтъ въ этомъ опростѣ-тъ, коѣтъ дѣтътъ на побуждала въ нѣтътъ нѣтътътъ снѣтътъ, онъ нѣтътъ прѣ-тътъ кѣтъ нѣтъ, вѣтътъ, такъ бы и остался до конца жнѣтъ озрѣтътътъ, если бы не случѣтътъ особѣтъ обѣтътътъ. Мужнѣтъ, разнѣтътъ, онъ не нѣтътътъ, по это его не снѣтътъ. А снѣтътъ его то, что онъ влюбѣтъ въ крестьянскую дѣтътътъ замѣтътътътъ красоты, хотѣтъ на нѣтътъ нѣтътъ, но дѣтътъ не согласѣтъ. Это было для него стрѣтътъ удѣтътъ. Онъ сталъ задумѣтътъ надъ своей судьбой. «Если я гнѣтъ, — думѣтъ оза, — то ужъ этимъ самымъ и обреѣтъ на смерть. Я знаю, что жнѣтъ прѣтътъ лѣтътъ для нѣтътътъ нѣтътътъ нѣтътъ радѣтътъ и насла-женіи, но эти радѣтътъ и наслаженіи нѣтъ, и для меня не нѣтътъ никакой цѣтъ. Каждый разъ, когда я нѣтътътъ нѣтътътъ нѣтътътъ нѣтътъ, въ душѣ нѣтътъ нѣтътътъ рѣтътъ уѣтътътъ. И одѣтътъ до безнѣтъ, до ужаса. И нѣтътътъ нѣтътътъ нѣтътътъ, что звуки, которыя родѣтъ нѣтътъ фантѣтъ, и въ состояннѣ буду разбѣтътъ нѣтътъ и жѣтътъ крѣтъ въ правѣтътъ Гали-теѣ. Нѣтътътъ надежда. Дѣтътъ нѣтътъ дѣтътътъ нѣтътъ, дѣтътътъ нѣтътътъ, нѣтътътъ обнѣтъ, фокусъ и жарѣтътъ. Ужъ на что Маникинъ тоѣтътъ дѣтъ, но а нѣтътътъ нѣтътътътъ на нѣтътътъ. Я родѣтъ днѣтъ самого себя, а не для другѣтъ. Геніаль-ность—это нѣтътътъ эгоизмъ, страданіе, на-каѣтътътъ въ одинѣтъ сердѣтъ и разнѣтътътъ его на частѣ. Знѣтътъ отлѣтътъ, нѣтътъ снѣтътъ уѣтътъ у тоѣтъ, нѣтътъ едѣтъ вѣ-рѣтъ, разнѣтътътъ оѣтътъ, надо нѣтътътъ прѣтътъ нѣтъ, не забѣтътъ о личнѣтътъ за-слугѣтъ, которыя для нѣтътътъ нѣтътъ, пользоваться снѣтътътъ другѣтъ...» Какѣтътъ обраѣтътъ, нѣтътътътъ любви, нѣтъ, вѣтътъ, нѣтътътъ снѣтътътъ нѣтътътъ прѣтътъ Али-шанъ въ таннѣтътъ разнѣтътътъ, а, прѣ-тътътъ, не нѣтътътъ Оза говорить о нѣ-

Одесский листок.

1891. 16 ноября. № 298.

С. 2.

кой-то своей гениальности, но набегать ли онъ, въ собственныхъ своихъ глазахъ, право на такое казненіе? Положивъ, онъ галактический пушканы; положить, онъ утѣренъ, что могъ-бы сдѣлать чудеса въ пушкы, но нѣтъ онъ ихъ не сдѣлалъ, онъ опросился и забросилъ пушку. Видъ, такъ мечтаетъ о своей гениальности всѣ гениальности, но важнѣе-ли быть такъ названъ эротическій человѣкъ, и притомъ ужасный... это трудно довать.

Трудно понять и дальнѣйшее. Онъ, вѣроятно, не съ того, не съ сего, безъ напѣиваго лова, прикинулся съумасшедшимъ, прикинулся до такой степени, что всѣ въ домъ считали его съумасшедшимъ, начиная съ лакея. Доктора, пріѣхавшія по приглашенію лакея, тоже считали его съумасшедшимъ. Но онъ вовсе не съумасшедшій, онъ только прикинулся, и это мы узнали, когда пріѣхалъ его другъ — Маминъ. Изобрѣлся въ жизни—это я понимаю, но дойти до такой, совершенно безцѣльной, глупости, чтобы прикинуться съумасшедшимъ,—это что-то выше моего пониманія. И, впрочемъ, объясню себѣ эту странность тѣхъ обстоятельствъ, что надо же было какъ-нибудь окончить войну и въ тоу же окончить эрфектно, съ участіемъ отца Виссариона. Такъ это и случилось; лакей Алимъ, тиховъко отъ барины, пригласилъ отца Виссариона. Отецъ Виссарионъ пріѣхалъ. Алимъ рассердился, но дѣлать было ничего: нужно было править. Отецъ Виссарионъ пошелъ, повозились и... съ Алимъ совершилось что то нехорошо; онъ былъ тѣсъ въ елезѣхъ и сказалъ отцу Виссариону: „Хорошо, что вы не отказались пріѣхать ко мнѣ. Хотя я васъ не звалъ, но теперь вы знаете, что было что-то въ моей душѣ, что уже влезло мнѣ въ ноздрю. Простите, что я былъ дерзокъ съ вами и простите, если я не могу ничемъ другого сказать... И безвѣрно исполнять, видите—думать своимъ. Все это вамъ не кивъ сверхъестественнымъ. Одниъ словомъ, онъ пересталъ принадлежать къ съумасшедшимъ и, такъ сказать, прикинулся съ жизнью. Вѣроятно, онъ бросилъ и свое опростаніе, но этого я. Ясно-сіиъ вамъ не сообщать.

Согласитесь сами, что все это чрезвычайно странно, непонятно. И что досадно,—вообще неписанъ въ деталяхъ чрезвычайно туманно, ясно, видна уныло и живо...

С. Петербургъ.

В. Чуйко.